

Возможности одной психотехники.

Поводом для написания статьи стала сделанная мной попытка работать психоаналитически в исследовании конфликтов детской души, и возникшие здесь некоторые сложности. Мне бы хотелось описать их, а также путь, которым я постаралась выйти на них.

В свое время описанный Фрейдом комплекс Эдипа стал предметом моего исследования. Меня интересовало: как современный ребенок переживает ситуацию первой сильной фрустрации либидо, и даже больше, имеет ли она место у современного ребенка и какова ее роль. Т.е., это была попытка психоаналитической пробы фиксации и описания этого конфликта. Для этой психоаналитической цели были и соответствующие методы работы: это были попытки толкования сновидений, фантазий, рисунков; наблюдение в семье за отношениями ребенка с ее членами.

Я предполагала, что если сейчас у 4,5-летнего ребенка существуют переживания такого рода, то они обязательно «всплывут» в этих проявлениях ребенка. Действительно, что материала было очень много, но вот здесь и возникали осложнения. Да, материал «плыл» и отражал разные стороны психической жизни ребенка. Но фантазии, которые я получала, непрерывно наблюдая за ребенком, были обрывочны. Мне казалось, что они не были связаны между собой. Это были скорее не фантазии, а желания, которые рождались под впечатлением какого-нибудь недавнего переживания, а также фиксации внешних проявлений ребенка. Возможность же работы с ребенком методом свободных ассоциаций была в принципе, невозможна, ведь требования, предъявляемые при свободных ассоциациях, таковы: не подвергать критике свои мысли, сообщать аналитику все без исключения. Ребенок же еще не может управлять своими психическими движениями. В итоге я «утонула» в материале, с которым уже не могла работать аналитически, я стала уходить от непосредственного предмета исследования, а так же «скатываться» на другие, не аналитические методы работы,

и собственные переживания. Я не имела возможности «встретиться» с предполагаемыми мною отношениями у ребенка этого возраста.

Здесь для меня встала необходимость некой регуляции с моей стороны самого материала, необходимость задать некие рамки. Это обусловлено особенностью работы: это был не клинический случай, вопрос о терапевтической помощи не стоял, ребенок не осознавал себя как больного чем-то, у него не существовало того, что ему мешало и, следовательно, он давал мне разносторонний материал.

И выход был, как мне кажется, найден: я прибегала к технике игры. Я предлагала ребенку определенный набор игрушек – кукол (который, как мне кажется, соответствовал как предмету исследования, так и ситуации ребенка. Этот набор состоял из куклы-мамы, куклы-папы, куклы-дочери, куклы-сына, а после - доктора). Ребенку предлагалось играть, после того как я представила их ему: «Это большая, дружная семья: папа, мама, дочь и сын. Они живут в большом многоэтажном доме». А дальше была просьба рассказать как живет эта семья.

Обоснованием данного метода служит:

1) «действие более свойственное маленькому ребенку нежели речь» (М. Клейн);

2) «бессознательные желания находят себе выход в играх» (М. Клейн);

При этом материал, который мы предъявляем ребенку, является достаточно неопределенным, несмотря на его непосредственную связь с областью, которую я гипотетично предполагала у ребенка. Повторение в семье кукол семьи ребенка сделано с целью усилить идентификационные процессы и обеспечить тем самым большую проекцию на семью кукол отношений в семье мальчика. Также игра в какую-то семью (не свою) снимает защитные механизмы.

Такая попытка скрыть возможные либидозные стремления нашла отклик в душе ребенка. Я приведу лишь небольшие фрагменты из полученного таким путем материала и попробую сделать интерпретацию. Из фантазии с куклами: «Лежали папа, мама и сын в постели, а сестры не было и они ждали ее. А ее все не было и не было. На нее напали волки. И вот тогда побежал папа за сестрой. И брат тоже побежал. Он догнал папу и отправил его домой. А сам пошел спасать сестру. Папа же очень обиделся».

Отец, мать и сын лежат в постели. Постель общая, хотя есть своя, но ребенок внедряется в супружеское ложе. Возможно, что это потребность к совместимости. Если это так, т.е. потребность в семейном единстве, то формально есть еще один человек – сестра, и ему нужно оправдать ее отсутствие, когда ее нет в этом семейном ложе, хотя ее не пускает туда сам, но должен защищаться. Отсюда, сестры нет, «на нее напали волки», а если на нее напали волки, то, т.к. она принадлежит семье, ее надо защищать. Получается, он сам сестру выгнал, но теперь испытывает вину и потому посылает отца. Возможно потому что он мешает ему, а мальчику надо обеспечить интимность, принадлежность к матери. Следовательно, сестра и отец «отнимают» у него мать, и он от них избавляется, а избавившись от сестры испытывает вину. Он отправляет отца спасать дочь, ведь он же мужчина, а, значит, должен спасать. Второй же вариант, может быть, он отправляет отца потому, что он и сестра у него идентифицируются за счет видимых связей. Может быть, он себя симбионизирует с матерью, а отца с сестрой, и спасает ее отец, поскольку именно он испытывает близость. Однако, он сам тоже идет спасать сестру:

1) сам сестру волкам отдал, отсюда, чувство вины и необходимость себя извинить;

2) если он отца отправил как мужчину, то ведь он тоже мужчина и должен поступать также (идентификация с отцом). Если же у него к отцу ревностное чувство к матери, то он должен отомстить отцу. Социальные чувства начинают доминировать над его потребностями (быть с матерью), и он жертвует этой потребностью, ради потребности быть мужчиной. Он отправляет отца и говорит, что он обиделся. Обида отца – это эффект, который ему нужно получить и этим компенсировать отказ близости с матерью.

Эта работа открыла возможные конфликты, которые живут в ребенке:

- 1) потребность в целостности семьи и желание близости с матерью;
- 2) относительно своей мужской идентификации и статуса в семье;
- 3) конфликты по линии он – сестра, он – отец.

Эффект этого метода заключается еще и в том, что ребенок перехватил инициативу, проекция прошла открыто («я хочу быть с мамой»). Ребенку стало уже недостаточно того материала, который я ему предоставила, и он требовал его от меня. Так, проигрывая свою свадьбу с матерью, ему уже необходима соответствующая одежда ли, по крайней мере, главные ее атрибуты (например, фата). Ребенок в своей спонтанности идет еще дальше: уже он сам, а не кукла-сын, ложиться на детскую кроватку с куклой-мамой, разговаривает с ней и прижимает к себе.

С помощью этой техники мы не только получили возможность доказать предположения, но и открыли широкий диапазон возможных конфликтов этого ребенка. Мы имеем основания заявлять, что разработанная техника игры (позже я узнала, что этой техникой пользовалась М. Клейн в своих работах с детьми) несомненно очень ценна для наблюдения ребенка. И вместо того, чтобы вести длительное и трудное наблюдение за ребенком в его домашней обстановке, мы сразу можем перенести весь знакомый ему мир в нашу комнату и предоставляем ребенку свободу действий в нем на наших глазах. И, таким образом, мы изучаем различные реакции ребенка, степень его агрессивности или сострадания, а также его установки в отношении к разным предметам и людям, представляемых с помощью игрушечных фигур. Преимущества еще и в том, что игрушечный мир удобен и подчинен воле ребенка. Таким образом, ребенок может совершать все действия в пределах фантазии. Можно, конечно, игру ребенка толковать невинно, как действия под впечатлением недавнего переживания. Вопрос в том, а почему ребенок поступает именно так, не является ли символическое значение, скрытое за этими наблюдениями, фактором, который заставляет ребенка отдавать предпочтение именно им, воспроизводить их здесь и теперь. Возможно, что ребенок всегда во время игры находится под влиянием своей бессознательной сферы.

Исходя из приведенных доказательств, я отдаю предпочтение этому методу, как одному из адекватных и возможных в работе с маленьким ребенком.